

Японская сторона, получившая в результате войны огромные «маньчжурские владения», была ограничена в своих рычагах воздействия на Россию и поэтому была вынуждена в известной мере считаться со своим бывшим соперником, не желая навлечь гнев России на свою голову. Кроме того, экономические круги Японии выказывали острую заинтересованность в открытии для себя парижского финансового рынка, что невозможно было сделать без нормализации отношений с Россией. Все указанное выше и предопределило курс на «дружественное сближение», отчетливо проявившийся на переговорах с начала февраля 1907 г.

Что касается самого Мотоно, то необходимо подчеркнуть, что он последовательно и жестко отстаивал на переговорах национальные интересы своей страны и интересы крупного торгово-промышленного капитала Японии. По мнению автора данной статьи, нет никаких оснований рассматривать его как принципиального «русофила», как, впрочем, не обнаруживаются в его мировоззрении и ощутимые «русофобские» нотки. Он являлся дипломатом-прагматиком и именно поэтому в российской прессе его называли иногда «представителем политики здравого смысла»⁴⁰.

⁴⁰ Примером несколько иного понимания роли Мотоно в процессе русско-японского сближения 1906-1917 гг. является следующая статья: *Савельев И. Р.* Нитиро канкэй но «огонь дзидай» о котуку ситэ: Мотоно Итиро то нитиро сэкин, 1906–1916 (Созидая «золотой век» русско-японских отношений: Мотоно Итиро и русско-японское сближение 1906–1916 гг.). – Россия то Нихон: Кёдо кэнкю (Россия и Япония: Совместное исследование). Сб. VIII. Токио: Сэйбунся, 2010. с. 93–103.

Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании

М. К. Ковальчук

Известно, что середина XIX в. стала переломным моментом в истории Японии. В 1854 г., уступив давлению США, она отказалась от «политики закрытых дверей», которой придерживалась более двух веков, и подписала первый торговый договор с западной державой. С его подписанием японское государство вступило в новый для него мир международного общения. В последующие годы аналогичные договоры были подписаны Японией и с другими странами, в том числе с Россией, Францией и Великобританией. В начале 1860-х годов, пытаясь освоиться в незнакомой системе международной дипломатии, правительство сёгуната приняло решение направить в западные страны ряд официальных делегаций.

В 1860 г. дипломатическая миссия была направлена в США. Неудивительно, что именно эта страна была выбрана для первого официального визита представителей японского государства, поскольку Соединенным Штатам принадлежала пальма первенства в открытии Японии. Однако решение сёгуната, вызвало неодобрение дипломатических представителей Великобритании и Франции. Последние считали, что США не имеет никаких приоритетных прав по отношению к другим европейским странам, имеющим с японским правительством торговые договоры.

После возвращения посла Симми Масаоки и его коллег из Америки британский посланник Разерфорд Элкок стал активно продвигать идею о необходимости отправки новой миссии, на этот раз в Европу. Элкок подчеркивал, что, познакомившись с европейскими странами, японцы смогли бы составить более объективное представление о западном мире, в частности, увидеть и осознать силу и мощь Великобритании и великолепие ее Королевского Двора. По мнению Элкока, это помогло бы им пересмотреть свои излишне восторженные впечатления от поездки в США¹.

Услышав о том, что во время пребывания в Вашингтоне членам миссии было предписано вести себя в соответствии с их высокими самурайскими званиями, другими словами сдержанно, не проявляя излишнего любопытства при осмотре американской столицы, Элкок попытался

¹ *Beasley W. G.* Japan Encounters the Barbarian. Japanese Travellers in America and Europe. London, 1995, p. 72.

убедить сёгунатские власти в том, что в случае отправки официальной делегации в Европу ее члены должны воспользоваться этой поездкой для подробнейшего изучения реалий западной цивилизации. Британцы надеялись на то, что чем лучше японцы узнают Европу, в первую очередь Великобританию, тем меньше они будут ее бояться. Отсутствие страха и восхищение перед достижениями англичан могли, по их мнению, способствовать укреплению и расширению торговых связей между двумя странами.

Англия и Франция выразили готовность оказать всяческое содействие и даже предоставить морской транспорт для доставки японской делегации в Марсель, откуда должна была начаться ее поездка по европейским странам. Понимая, что подобное путешествие будет связано с большими финансовыми расходами, Лондон и Париж помогли Японии получить специальный заем у банка Ротшильда, который должен был покрыть часть расходов во время пребывания японцев в Европе.

Р. Элкок проявил недюжинную активность и энергию при организации миссии Такэноути (так в японской историографии принято называть делегацию, отправившуюся в Европу в январе 1862 г.). Свое название миссия получила по фамилии ее главы Такэноути Ясунори². Надо сказать, что британский посланник даже пытался дать бакуфу³ свои рекомендации по составу миссии. Он, например, выразил несогласие с назначением главой миссии Кавахара Мотоясу – старейшего служащего Гайкоку Бугё (департамента иностранных дел при правительстве сёгуната). Элкок аргументировал свои возражения тем, что Кавахара является бесперспективной кандидатурой с точки зрения продолжительной и плодотворной работы в японском правительстве после возвращения миссии из Европы. По мнению Элкока, в силу определенной закостенелости сознания Кавахара был неспособен по достоинству оценить увиденное им в передовых европейских странах, а из-за своего достаточно преклонного возраста не смог бы в полном объеме применить знания, полученные в ходе поездки, во благо Японии. Англичанин считал, что на роль главы миссии гораздо больше подходит Сакаи Такаюки – младший советник в правительстве бакуфу, с которым он был знаком лично и неоднократно вел продолжительные беседы.

Видимо, доводы Элкока были приняты во внимание японским правительством. Вместо Кавахара делегацию возглавил более молодой служащий Гайкоку Бугё – Такэноути Ясунори (которому в то время было пятьдесят пять лет). Бакуфу не оставило без внимания и советы европейских дипломатических представителей использовать поездку в Европу для более подробного знакомства с реалиями западных стран.

² В других источниках он фигурирует как Такэноути Симоцукэ. Это не удивительно, поскольку в Японии существовала практика неоднократной смены имен и фамилий. *Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days. 1603–1868, Kobe, 1931, p.184.*

³ Бакуфу (полевая ставка) – название правительства в эпоху правления сёгуната Токугава.

В состав миссии было специально включено несколько человек, способных провести необходимые исследования. Одним из самых важных критериев при отборе этих людей было владение иностранными языками. Так в состав делегации вошел Фукудзава Юкити, который двумя годами ранее принял участие в посещении США на корабле «Канрин мару». Кроме Фукудзава, обязанности переводчиков на английский, французского и голландского языков выполняли еще несколько человек: Фукути Гэнъитиро, Тати Хиросаку, Ота Гэндзабуро, Мицукури Сюэхэй и Мацуки Коан (позже известный как Тэрасима Мунэнори). Практически все они были выходцами из княжеств, расположенных на о-ве Кюсю, преимущественно из Сацума. Помимо знания языков, Фукути и Мацуки были сведущи в медицине. Это позволило им дать более компетентную оценку техническому оснащению и уровню медицинского обслуживания в европейских больницах и госпиталях.

В целом миссия насчитывала около сорока человек. В это число входили три посланника – Такэноути Ясунори, Мацудайра Ивами и Кёгоку Ното (последний контролировал действия всех членов делегации), их секретари, переводчики, доктора, слуги посланников и еще ряд людей, в обязанности которых входило создание максимально комфортных условий для работы официальных лиц и их помощников во время путешествия.

Помимо сбора информации об уровне развития и особенностях государственного устройства европейских стран, у миссии Такэноути были и дипломатические цели. Дело в том, что ее отправке предшествовал ряд инцидентов, свидетельствующих о росте в стране антииностранных настроений. В январе 1861 г. был убит секретарь американского посла в Японии Харриса – Хендрик Хаускен. В июле 1861 г. нападению подверглось здание дипломатической миссии Великобритании в Эдо. С учетом создавшейся ситуации, бакуфу поручило Такэноути провести переговоры об отсрочке открытия для внешней торговли двух японских портов – Ниигата и Хёго (совр. Кобэ). Согласно договорам 1858 г. открытие должно было состояться не позже первого января 1863 г. Бакуфу опасалось, что появление иностранных граждан, обладающих правом экстерриториальности (т. е. не подчиняющихся местным законам), еще в двух японских городах повлечет за собой новые инциденты и волнения, которые будут направлены не только против иностранцев, но и против сёгуната. Было решено, что делегация посетит не только Великобританию и Францию, но также Голландию, Пруссию, Россию и Португалию, и что в каждой стране японцы пробудут от 15 до 20 дней.

Миссия Такэноути покинула Иокогаму 21 января 1862 г.⁴ на борту британского фрегата «Один». Англичане постарались создать для

⁴ Нужно иметь в виду, что Фукудзава Юкити в своей автобиографии и Итикава Ватару в дневнике датируют начало поездки декабрем 1861 г., считая, что деятельность миссии была начата с того момента, когда ее члены покинули японскую столицу, а не территорию Японии.

японцев максимум удобств. В их распоряжении была вся главная палуба судна, в каютах имелись низкие столики, было даже оборудовано несколько ванн в традиционном для Японии стиле. Для английской команды вояж оказался чрезвычайно хлопотным. Один из офицеров в письме к другу выразил надежду на то, что его не будет на борту, когда судно повезет японскую делегацию обратно на родину⁵.

Надо сказать, что и сами японцы, несмотря на старания англичан, были не вполне довольны условиями морского путешествия. Глава секретариата миссии Сибата Такэнака в письме из Лондона к одному из своих коллег в Эдо жаловался на жуткий запах пароходного дыма, на питьевую воду желтого цвета, хранящуюся в железных баках, пить которую можно было лишь с закрытыми глазами и на страшную жару, не дававшую пассажирам заснуть много ночей подряд. По словам Сибата, члены миссии испытывали неудобства не только на борту парохода, но и во время пребывания в Европе. Больше всего проблем вызывал предложенный им рацион питания, как правило, состоявший из мясных блюд, которые японцы находили слишком жирными⁶. Исключение составила только Франция, где, по воспоминаниям Фукудзава Юкити, их кормили отменно⁷. Там им даже подавали *сасими* – кусочки сырой рыбы замечательного качества. Правда, уже в Англии им пришлось отказаться от традиционного лакомства во имя сохранения национального достоинства. Дело в том, что английские газеты написали, что обычай есть сырую рыбу роднит японцев с коренными жителями Южной Америки. Японские делегаты посчитали унижительным для себя подобное сравнение. В результате в их дневном рационе не осталось практически ничего из того, что действительно соответствовало их вкусам⁸. Фукудзава писал в своей автобиографии, что, предвидя сложности с адаптацией к европейской кухне, японцы взяли с собой изрядный запас риса. Однако им не удалось воспользоваться, поскольку в ресторанах гостиниц, в которых размещалась миссия, постояльцам не разрешалось готовить⁹.

Из Нагасаки «Один» направился в Гонконг, где у делегации была короткая остановка. Можно сказать, что в Гонконге члены миссии впервые повстречались с элементами западной цивилизации и культуры. Они осмотрели артиллерийские батареи, цех по отливке оружия, госпиталь и даже поприсутствовали на балу у губернатора Гонконга. Здесь же они столкнулись с шокировавшим их правилом европейского

⁵ Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian. Japanese Travellers in America and Europe, p. 76.

⁶ Письмо Сибата Такэнака от 9 мая 1862 г. – Цит. по Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian..., p. 76–77.

⁷ Подробнее см.: The Autobiography of Fukuzawa Yukichi. Tokyo, 1934, p. 137.

⁸ Письмо Сибата Такэнака от 9 мая 1862 г. – Цит. по: Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian..., p. 76–77.

⁹ The Autobiography of Fukuzawa Yukichi, p. 137.

этикета: «Ladies the first», которое кардинально отличалось от привычного японцам представления о положении женщины в обществе.

Следующую краткую остановку «Один» сделал в Сингапуре. Посетив еще несколько юго-восточных портов, судно взяло курс на север, через Красное море и Суэцкий канал в Египет, где миссия совершила железнодорожное путешествие в Каир и Александрию. Надо сказать, что Египет оставил у японцев смешанные впечатления. Итикава Ватару в своих путевых заметках¹⁰ подчеркнул, что Каир запомнился ему своей грязью, ужасными запахами и мухами, «которые самым наглым образом атаковали лица людей». Правда, при этом Итикава пришел в полное восхищение от туннелей, увиденных им во время путешествия по железной дороге¹¹.

Из Александрии японцы отправились на борту британского военного транспорта «Гималаи» во Францию, по дороге сделав трехдневную остановку на Мальте, которая в то время находилась под юрисдикцией Великобритании. 3 апреля 1862 г. они добрались до Марселя, а откуда по железной дороге двинулись в столицу Франции – Париж, где провели около 20 дней. После Франции японские посланники посетили Англию, Голландию, столицу Пруссии – Берлин, а затем Санкт-Петербург. На обратном пути в Марсель, они нанесли краткий визит в Португалию¹².

В Великобританию миссия прибыла 29 апреля 1862 г. после трехнедельного визита во Францию, поэтому впечатления ее членов от Соединенного королевства имели свою специфику – японцам уже было с чем сравнивать. Прием англичан им показался очень скромным. Если во Франции и в Марселе, и в Париже японских посланников встречали приветственным салютом, то в Дувре никаких военных почестей, принятых для высоких делегаций из других стран, им оказано не было. Встречу миссии организовывал некий Макдональд – студент-переводчик, который сопровождал ее в Лондон из Парижа. Вот как описывает прибытие в Дувр в своем дневнике Итикава: «Наше судно пришло в английский порт Тобуру (Дувр). На берегу собралось много местных жителей, молодых и старых. Они создавали много шума и суеты. Затем от толпы отделился один человек, на вид ему было около пятидесяти. Он подпрыгивал, словно воробей, и кричал: «Япанису!», «Япанису!», «Япанису!» (что означало «японцы»). Этот человек прежде был английским консулом в Хакодате и жил там какое-то время. Выступив вперед, чтобы поздравить

¹⁰ В 1865 г. дневники Итикава Ватару были переведены британским дипломатом Эрнестом Сатоу на английский язык и опубликованы под названием «Diary of a Member of the Japanese Embassy to Europe in 1862–63» на страницах англоязычной газеты «Джапан Таймс», которая в том же году начала издаваться в Иокогаме по инициативе англичан.

¹¹ Diary of a Member of the Japanese Embassy to Europe in 1862–63. Translated by Ernest Satow. – The Japan Times. 20.10.1865.

¹² В целом путешествие заняло около года. В декабре 1862 г. Такэноути и остальные члены миссии вернулись на родину.

нас с благополучным прибытием, он снял с себя шляпу и, держа ее над головой, громко закричал “Тепапепше хорэ!” Мы не поняли, что означает этот крик, но, похоже, таким образом он выразил свои поздравления. После этого вся толпа издала такой же крик. Было весьма неприятно слушать, как они орут во все горло»¹³. Действительно, в Дувре японцев в частном порядке встречал бывший британский консул в Хакодате, некий Ходгсон. Он обратился к толпе с призывом прокричать в честь посланников троекратное «ура»¹⁴. Однако, если судить по записям Итикава, члены миссии восприняли это приветствие как не вполне соответствующее высокому статусу их делегации, тем более что само значение слов «Гип-гип-ура!» ими было не понято.

Военный караул не был предоставлен миссии и в Лондоне, где ее представителей с вокзала в обычных экипажах доставили в отель «Кларидж» («Claridge»), который и по своей архитектуре, и по своему внутреннему убранству значительно уступал отелю «Де Лувр» («Du Louvre»), в котором они останавливались в Париже. По словам Итикава, их впечатление об английском отеле окончательно испортилось после того, как они обнаружили на прикроватных столиках библии на китайском языке.

Интересно, что примерно за неделю до прибытия делегации в Англию, лондонская «Таймс» писала, что, по ее разумению, японцы «должны вернуться домой не оглушенные величием и великолепием» британской славы, а «осознав масштабы английской индустрии и мощь британского государства»¹⁵. Сложно сказать, насколько мысли английских журналистов совпадали с намерениями их правительства, однако, если судить по впечатлениям участников миссии, цели, обозначенные в «Таймс», были достигнуты. По крайней мере, японцы явно не были оглушены великолепием Англии. По части роскоши Франция произвела на них гораздо более сильное впечатление. Сравнивая Париж с волшебным садом, Сибата Такэнака подчеркивал, что Лондон оказался достаточно грязным и задымленным городом, улицы которого, заполненные торговыми лавочками и магазинами, не шли ни в какое сравнение с парижскими бульварами¹⁶. Того же мнения придерживался и переводчик миссии Мацуки, который в своих письмах на родину сравнивал Париж с великолепным Киото, а Лондон с не блиставшим особой красотой Эдо. Негативное впечатление на Мацуки произвела и лондонская публика. Говоря о ней, он отметил, что не ожидал увидеть на улицах европейской столицы столько пьяных и попрошайек¹⁷.

¹³ Diary of a Member of the Japanese Embassy to Europe in 1862–63. Translated by Ernest Satow. – The Japan Times. 15.12. 1865.

¹⁴ Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days, 1603–1868. Kobe, 1931, p. 191.

¹⁵ The Times. 16.04.1862; Гайкоку симбун ни миру нихон. Токио, 1989, т.1, с. 252–253.

¹⁶ Письмо Сибата от 9 мая 1862 г. – цит. по: *Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian...*, p.84.

¹⁷ Письмо Мацуки от 10 июня 1862 г. – Там же.

Правда, несмотря на красоту Парижа и французское гостеприимство, переговоры во Франции прошли безрезультатно. Французы не дали согласия отсрочить открытие Хёго и Нагасаки. В процессе переговоров у Такэноути сложилось впечатление, что Франция не пойдет на уступки без предварительного согласия Англии. Посчитав дальнейшее пребывание в Париже бесполезной тратой времени, миссия поспешила в Лондон.

Уверенности в том, что здесь переговоры пройдут более удачно, у Такэноути тоже не было. Дело в том, что еще во время пребывания миссии в Париже дипломатический представитель Великобритании во Франции сообщил ему, что они не смогут получить аудиенцию у ее Величества королевы Виктории, поскольку та находится в состоянии траура. Японцы были страшно разочарованы, хотя дипломат и уверял их, что, несмотря на невозможность встретиться с королевой, им будет оказан должный прием.

Надежд на успешное проведение переговоров стало еще меньше после того, как английская сторона отказалась начать их до прибытия в Лондон своего посланника в Японии Р. Элкока, который должен был вернуться только 30 мая в сопровождении основного переводчика английской дипломатической миссии – Морияма. Японцам не оставалось ничего другого, как согласиться с требованиями англичан.

Переговоры прошли на удивление удачно. Их результатом стало подписание так называемого Лондонского протокола (6 июня 1862 г.), согласно которому открытие двух новых портов откладывалось на пять лет. В обмен на согласие Великобритании повременить с началом торговой деятельности в Хёго и Нагасаки, сёгун обязывался строго соблюдать все остальные пункты договора 1858 г. Японцам также предоставлялось право подписать аналогичные договора с другими странами, в которых планировала побывать делегация.

12 июня 1862 г. японцы покинули Лондон с осознанием того, что скромный прием в Англии принес Японии гораздо более ощутимый результат, чем помпезное французское гостеприимство. Более того, благодаря тому, что миссия пробыла в Британии в два раза больше запланированного срока (вместо трех – шесть недель), она смогла лучше познакомиться со страной. Если в Париже перечень мест, в которых побывали японцы, ограничился основными достопримечательностями города, а также несколькими школами и больницами, то в Британии они сумели посетить не только Лондон с его Тауэром, Британским музеем, Парламентом, Королевской обсерваторией и королевским дворцом, но и другие города. Отдельные экскурсии проводились по просьбе японцев, другие – по инициативе английской стороны. Например, 7 мая министерство иностранных дел Великобритании официально попросило британское адмиралтейство организовать для японских посланников осмотр наиболее важных чугунолитейных заводов, связанных с кораблестроением и производством оружия для морских сил Великобритании.

Сибата Такэнака в своем письме на родину писал о том, что составить объективное представление о европейской стране, если ты пробыл в ней меньше 30–40 дней, абсолютно нереально, поскольку европейские государства очень отличаются от Японии. Как выразился сам Сибата, сходства между Японией и Европой не больше чем между «льдом и углем»¹⁸. Поэтому вынужденная задержка в Великобритании оказалась как нельзя кстати. Она дала японцам шанс лучше познакомиться со страной. Было принято решение разделить делегацию на несколько групп. Пока одна группа осматривала станки и другое машинное оборудование на выставке в Южном Кенсингтоне, вторая – изучала устройство редакции и типографии английской газеты «Иллюстриейд Лондон Ньюз» («Illustrated London News»), а третья – собирала сведения о производстве артиллерийских орудий на оружейном арсенале в Вулидже¹⁹. Два дня миссия провела в Ньюкасле, где осмотрела угольные копи и процесс установки боевых орудий на военные корабли, еще два дня – в Бирмингеме. Здесь японцы побывали на фабриках по производству стекла и стрелкового оружия. Но самой насыщенной была их экскурсионная программа в британской столице. В Лондоне они успели осмотреть корабельные доки, центральные офисы таможенной и телеграфной служб и многое другое²⁰.

Печальный опыт Японии, когда страна была вынуждена подписать невыгодные для нее торговые договоры, уступив военному давлению Запада, предопределил интерес миссии к оружейной и кораблестроительной промышленности. Во время посещения артиллерийского арсенала в Вулидже, внимание японцев привлекли новые пушки Армстронга²¹, названные в честь их разработчика. Впервые миссия посетила арсенал 7 мая, но затем ряд ее членов возвращались туда еще несколько раз, для того, чтобы пополнить и уточнить информацию, зафиксированную во время первой экскурсии. Не меньший интерес был проявлен и к судостроению, в первую очередь к военному. Об этом свидетельствуют многочисленные визиты на верфи и судостроительные заводы, расположенные в Лондоне, Ливерпуле и Портсмурте.

В то время как японцы старались собрать как можно больше информации о военном производстве Великобритании, англичане прилагали усилия для того, чтобы познакомить своих гостей с так называемой мирной английской промышленностью. 1 мая японцы в качестве

¹⁸ *Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian...*, p. 81.

¹⁹ Район в восточной части Лондона.

²⁰ *Conte-Helm M. Japan and the North East of England*, London, 1989. p. 3–7.

²¹ Уильям Джордж Армстронг (William George Armstrong, 1810–1900) – английский инженер, конструктор артиллерийских орудий, промышленник, барон. В 1854 г. начал разработку нового типа пушки. В 1859 г. его пушки были приняты на вооружение армии и флота Великобритании. Армстронг стал артиллерийским инженером военного министерства и наладил производство своих пушек в Вулиджском арсенале.

почетных гостей были приглашены на открытие четвертой международной выставки в Южном Кенсингтоне. На выставке была представлена и Япония, хотя качество товаров японского производства, присланных Эллкоком из Эдо, не впечатлило участников миссии. Гораздо больший интерес вызвала продукция развитых европейских держав, которая демонстрировала высокий уровень их промышленного развития, уровень, который на тот момент казался японцам недостижимым. «Здесь были собраны и продемонстрированы публике самые новейшие технические достижения, – вспоминал спустя много лет Фукудзава Юкити, – чего тут только ни было: и паровые машины, создающие из хлопка материю, и химические приборы, вырабатывающие летом лед, и паровые насосы для откачки воды... и аппараты для тушения огня, и хитроумные часовые механизмы, и сельскохозяйственное оборудование, и лассо для поимки лошадей, и кухонная утварь, и старые книги, и бесчисленное количество картин»²².

Итикава Ватару в своем дневнике тоже дал высокую оценку увиденному и услышанному на выставке. Правда, в отличие от Фукудзава его больше всего восхитило оружие, в первую очередь пушки Армстронга. К предметам искусства Итикава остался равнодушен, он лишь упомянул в своих записях, что несколько увиденных им картин были выписаны точно и аккуратно. А глядя на оркестр, игравший на выставке, он спросил приставленного к миссии переводчика Макдональда, не знает ли он, почему руководитель оркестра все время машет руками²³. Вопрос не вызвал у последнего удивления. Было очевидно, что многие вещи японцы видят в первый раз в жизни и не догадываются об их значении.

Не обходилось и без курьезных случаев. В своей автобиографии Фукудзава вспоминает о конфузе, который случился с одним из посланников во Франции. Он решил воспользоваться туалетом в одном из коридоров гостиницы «Де Лувр». Он направился туда в сопровождении одного из своих слуг, который, в соответствии с принятой в Японии традицией, нес в руках зажженный бумажный фонарь. Пока посланник справлял нужду, слуга, одетый по всей форме в национальную японскую одежду, сидел на корточках перед открытой дверью туалета, держа в руках меч своего господина. Все это, как упоминалось, происходило в оживленном, залитом светом коридоре гостиницы, по которому то и дело проходили постояльцы. Можно представить, насколько шокирующей выглядела эта сцена для последних. На счастье, рядом оказался Фукудзава, который прикрыл дверь, исчерпав тем самым инцидент²⁴. Приведенный случай очень наглядно показывает,

²² *Фукудзава Юкити. Дзэнсю* (Полное собрание сочинений) Токио, 1962, т. 19, с. 27–28.

²³ *Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian...*, p. 83

²⁴ *The Autobiography of Fukuzawa Yukichi*, p. 137–138.

как неуютно чувствовали себя японцы в Европе, жившей по непонятным им правилам и законам. Однако чувство долга и беспокойство за судьбу своей родины вызывали стремление узнать как можно больше об этих варварских, с их точки зрения, странах.

Тот интерес и усердие, с которым члены миссии Такэноути осматривали и фиксировали все, что попадалось им на глаза, был подмечен английскими журналистами. Корреспондент лондонской «Таймс», рассказывая о посещении делегацией лондонского зоопарка, с восхищением отмечал, что один из членов японской делегации очень быстро и с удивительной точностью делал карандашные наброски всех увиденных им зверей и птиц²⁵.

Стремление гостей собрать как можно больше информации было отмечено в статье об экскурсии на оружейный арсенал в Вулидже²⁶. Описывая визит миссии на фабрику, производящую моторы и паровые котлы в Гринвиче, корреспондент «Таймс» особо подчеркнул, «что японцы беспрестанно делали записи и зарисовки»²⁷.

Увиденное и услышанное в Англии и других европейских странах легло в основу специального отчета миссии о поездке. Краткое донесение о ходе дипломатических переговоров было подано посланниками центральному правительству сразу после возвращения на родину. Что касается более подробного описания государств, в которых побывала миссия, и их особенностей, то составление этого документа потребовало от так называемых «экспертов» (так именовались переводчики с европейских языков) гораздо больше времени. В результате были написаны так называемые «Тансаку» («Исследования»). Оригиналы этих манускриптов до сих пор хранятся в Библиотеке японского парламента, но только один раздел «Тансаку» был опубликован для более широкой аудитории – раздел, посвященный Великобритании.

По воспоминаниям одного из переводчиков миссии Фукути Гэньитиро, основной проблемой миссии Такэноути было плохое знание европейских языков. Фукудзава, который двумя годами ранее побывал в Соединенных Штатах, говорил по-английски лучше остальных (до поездки в Европу он даже успел выпустить англо-японский словарь). Что касается самого Фукути, то он в основном занимался письменными переводами дипломатической корреспонденции, поэтому визит в Великобританию был для него хорошей возможностью повысить уровень разговорного английского языка. Еще один переводчик Мицуки, который вместе с Фукути работал в Бюро переводов при правительстве сёгуната, так называемом *Бансё сирабэсё* (Институт изучения варварской

литературы), начал учить английский только в 1856 г. (до этого он переводил исключительно с голландского языка). Сложно сказать, насколько сильно он успел продвинуться на этом новом для него поприще. Последний переводчик Тати специализировался на французском языке. Он так же, как его коллеги, был гораздо более сведущ в письменном, нежели в устном, переводе. Другими словами, всем переводчикам не хватало навыков практического использования иностранных языков.

Еще хуже дело обстояло с посланниками и их помощниками. Фукути Гэньитиро называл последних «слепо-глухо-немые паломниками»²⁸, и, похоже, он был не слишком далек от правды. Помощник посланника Мацудайра Ивами – Итикава Ватару в своих дневниках честно признался, что не сумел составить четкого представления о народах увиденных им стран и их традициях, поскольку не понимал ни их «корявой письменности», ни их «свистящего языка»²⁹. В результате его функции свелись к простому наблюдению и беспрестанным вопросам к переводчикам. Не удивительно, что подзаголовком к его путевым заметкам, переведенным и опубликованным Э. Сатовым в сентябре 1865 г. на страницах англоязычной газеты «Джапан Таймс», стала фраза: «Путаный рассказ о путешествии в Европу, схожем с путешествием мухи на хвосте у кобыль»³⁰.

Языковые проблемы серьезно затрудняли знакомство с европейскими странами. Кроме того, проблема сбора информации осложнялась еще и ограничениями на свободное передвижение переводчиков. Фукудзава Юкити писал, вспоминая свое участие в миссии Такэноути: «У меня было такое впечатление, что мы взяли с собой в путешествие нашу теорию изоляции... Один из трех посланников – Кёгоку выполнял функции главного надсмотрщика, у него было много помощников, и на протяжении всего путешествия мы все находились под контролем либо его самого, либо его подчиненных. В первую очередь это касалось нас, трех переводчиков³¹. Мы стремились как можно больше узнать об окружающем нас мире. Но, к сожалению, наш интерес вызывал беспокойство нашего начальства»³². По словам Фукудзавы, каждый раз, когда он и его коллеги выходили на улицу, за ними следовал один из соглядатаев, без их сопровождения переводчикам воспрещалось покидать гостиницу.

С учетом сказанного выше можно предположить, что многое из появившегося на страницах «Тансаку», было написано, не только ис-

²⁸ Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian..., p. 88.

²⁹ Diary of a Member of the Japanese Embassy to Europe in 1862–63. Translated by Ernest Satow. – The Japan Times. 15.09.1865.

³⁰ Ibid.

³¹ Фукудзава говорил о себе, Мицукури Сюхэй и Мацуки Коан.

³² The Autobiography of Fukuzawa Yūkichi, p. 140–141.

²⁵ The Times. 03.05.1862 – Гайкоку симбун ни миру нихон (Япония на страницах иностранных газет), 1989, т.1, с.254.

²⁶ The Times. 08.05.1862. – Гайкоку симбун ни миру нихон, с.255–256.

²⁷ The Times. 14.05.1862. – Там же, с.257–258.

ходя из того, что миссионеры увидели и слышали сами во время путешествия, но и на основе информации, полученной из третьих рук, либо почерпнутой из письменных источников.

Известно, что японцы привезли не меньше 360 книг на различных языках, которые впоследствии поступили в распоряжение центрального правительства сёгуната. Отдельные члены миссии покупали книги и на свои собственные деньги. Фукудзава Юкити, например, в своей автобиографии рассказывал, что именно на книги (преимущественно английские) он потратил практически весь свой гонорар переводчика³³. Фукудзава подчеркивал, что во время поездки он решил сконцентрироваться на повседневной жизни европейцев, а не на политическом, экономическом и промышленном устройстве их государств. «Я не уделял особого внимания изучению технических и научных вопросов потому, что о них я всегда мог прочесть в книгах по возвращении на родину, – вспоминал Фукудзава. – Я чувствовал, что я должен узнать как можно больше об обычной жизни европейцев от них самих, потому что они редко пишут об этом в книгах. А ведь именно обычные, повседневные вещи зачастую понять сложнее всего»³⁴.

Английский исследователь В. Дж. Бисли в своей работе «Япония знакомится с варварами. Японские путешественники в Америке и Европе» пишет, что существуют свидетельства о том, что в Великобритании у японцев был своего рода информатор, который предоставил членам миссии сведения о политическом и социальном устройстве английского государства. Имя его доподлинно не известно. В текстах «Тансаку» лишь указано, что им являлся некий голландский доктор, проживший в Лондоне более 12 лет. Его имя в японской транскрипции звучало как Симмон Берихент, хотя точно также могло быть передано и имя Белифант. Не сохранилось информации и о том, каким образом голландец познакомился с японцами, однако известно, что он неоднократно встречался с членами миссии, владеющими голландским языком, рассказывал им о государственных институтах Великобритании и отвечал на их вопросы об Англии. Правдивость этого свидетельства подтверждается и тем фактом, что последние несколько страниц путевых заметок Фукудзава Юкити о Великобритании целиком написаны именно на голландском языке. Причем их содержание гораздо более ясное и последовательное, чем остальные записи и пометки, сделанные Фукудзавой в Англии³⁵.

Английские исследователи пришли к выводу, что окончательный отчет экспертов-переводчиков, представленный бакуфу, являлся рассказом о европейских странах, составленным на основе разрозненных источ-

ников, в число которых входили личные впечатления участников миссии, информация, услышанная и прочитанная ими об этих странах во время поездки и сведения, почерпнутые ими из книг, привезенных из путешествия (преимущественно англоязычных), а также энциклопедий и газет, которые ранее были переведены японцами с голландского языка.

Отчет состоял из шести разделов, в соответствии с числом стран, в которых побывала миссия. Наиболее объемные части были посвящены Британии и России. В то время считалось, что политика именно этих двух держав несет угрозу независимости Японии. Затем шла Голландия, видимо, потому, что с ней японцы исторически были знакомы лучше, чем с другими европейскими странами. Меньше всего было написано о Португалии. Рассказ о Великобритании, России и Голландии включал в себя описание их государственного устройства, вооруженных сил, производства, финансовых институтов, больниц и школ.

О том, что Великобритания сумела привлечь к себе внимание японцев, говорит тот факт, что сведения о ней были опубликованы для более широкого ознакомления. Он был разбит на сорок глав, каждая из которых имела свой подзаголовок. Первая глава представляла собой перечисление общей информации о стране, о ее правительстве и обществе. Отдельные выводы и комментарии из этой главы были более развернуто представлены в последующих главах. Затем шло описание британской политики и дипломатии, которое было дано в сравнении с дипломатией и политикой Франции. Пять глав было посвящено военно-морским силам Великобритании и ее вооружению. Затем следовали три раздела о социальной структуре английского общества, его неоднородности, и давались краткие характеристики отдельных социальных классов. В трех главах рассказывалось о правилах в отношении иностранных судов и граждан, посещающих Великобританию. Еще в одной главе рассказывалось о лондонских школах и больницах. Тематика остальных глав была самой разнообразной: паровозы, правительственные финансы, пушки Армстронга, контрабанда, газовые лампы, торговые пошлины и многое другое.

Японцы постарались представить Англию достаточно детально, однако очевидно, что далеко не все аспекты государственного устройства Британии были интерпретированы ими верно. Особенно это касалось тех составляющих политической системы Великобритании, которые не имели ни малейших аналогов в самой Японии. Фукудзава, например, признавался, что долго не мог понять суть «Закона о выборах», а также значение и функции британского парламента. «Когда я задавал подобные вопросы тому или иному джентльмену, – вспоминал Фукудзава, – то в ответ, как правило, получал лишь вежливую улыбку, означающую, как я предполагаю, что интеллигентному человеку не пристало задавать подобные вопросы. Я узнал, что в Англии существует две различные политические партии: либеральная и консервативная, которые нахо-

³³ Ibid., p. 135.

³⁴ Ibid., p. 142.

³⁵ *Beasley W. G. Japan Encounters the Barbarian...* p. 90.

дятся в постоянной борьбе между собой внутри английского правительства. Однако я долгое время не мог понять, за что они “сражаются”, и какой смысл в этих “сражениях” в мирное время. Мне говорили: “Вот эти двое являются врагами в парламенте”. Однако я видел, что люди, на которых мне указывали, сидят за одним столом, едят и пьют друг с другом. Я чувствовал, что это выше моего понимания. Прошло немало времени, прежде чем я смог собрать воедино разрозненные факты и прийти к правильному выводу. Иногда требовалось от пяти до десяти дней для того, чтобы разобраться в отдельных, наиболее сложных, вопросах»³⁶.

Японцам действительно было трудно, поскольку социально-политическая система Великобритании сильно отличалась от их прежних представлений о том, как должно быть устроено государство. Это стало причиной ряда неверных умозаключений, например, таких, как то, что пост министра в английском правительстве дается пожизненно. Кроме того, японцы не могли понять, в какой взаимосвязи находятся звание лорда и возможность занять правительственный пост, или почему существуют лорды, обладающие обширными земельными наделами, хорошим доходом со своих земель, но не имеющие при этом никакой политической власти. Этот факт никак не сопоставлялся с привычными для Японии представлениями о статусе даймё.

Помимо раздела «Тансаку», посвященного Великобритании в свет вышла еще одна работа – «Сэйё дзидзё» («Положение дел на Западе»), которая сумела завоевать гораздо более широкую аудиторию. Ее автором стал Фукудзава Юкити. Именно «Сэйё дзидзё», первая часть которой была издана в 1866 г., а вторая – в 1869 г., заставила заговорить о Фукудзава как о выдающемся публицисте. Обработав собственные записи, сделанные во время поездок в США (1860 г.) и Европу (1862 г.), ознакомившись с литературой, привезенной из Великобритании, Фукудзава написал объемный труд. В нем он как можно более простым и доступным языком рассказал своим согражданам об устройстве западных стран, их политической, законодательной, налоговой и социальной системах и многом другом. Книга стала настоящим бестселлером. Официальный тираж первой части «Сэйё дзидзё» составил 150 тыс. Однако общее число экземпляров, по подсчетам японских исследователей, составило не менее 250 тыс., поскольку существовали и нелегальные издания этой работы³⁷. Если учесть, что численность читающего населения в Японии того времени была не очень высока, можно представить какой интерес и ажиотаж вызвал труд Фукудзава. Для японцев, никогда не бывавших ни в Америке, ни в Европе, он стал своеобразным проводником в мир западных реалий. Автору он принес известность и

экономическую независимость. Гонорар, полученный от издания «Сэйё дзидзё», помог ему организовать собственную школу.

В промежутке между публикациями первой и второй части «Сэйё дзидзё» Фукудзава написал и издал еще целый ряд работ: «Сэйё таби аннай» («Справочник для путешествующего по Западу»), «Дзёяку дзюити кокка» («Одиннадцать стран, связанных с нами договорами»), «Сэйё исё-кудзю» («Одежда, пища и жилище на Западе»), «Сэкай кунидзукуси» («Все о странах Запада») и др. Практически во всех этих работах он весьма комплиментарно отзывался об Англии.

Приведем лишь один пример. В первой части «Сэйё дзидзё», рассказывая о системах образования различных европейских стран, Фукудзава отмечал, что Пруссия занимает первое место по численности образованного населения. Однако, по его мнению, высокий процент численности граждан, умеющих читать и писать, в Пруссии достигался за счет жесткой политики государства. «В Берлине, столице Пруссии, школы существуют даже в тюрьмах, уроки для заключенных в них проходят раз в три или четыре дня. Я думаю, что одного этого примера вполне достаточно, чтобы составить представление о прусской системе образования» – писал Фукудзава. При этом, говоря об Англии и отмечая отсутствие в Британии закона об образовании и в целом меньшую степень правительственного участия в этой сфере жизнедеятельности государства, он подчеркивал: «Некоторые считают, что английская школьная система уступает прусской и голландской, однако в действительности сложно объективно оценить степень эффективности образования в этих трех странах. Англия добилась превосходства над другими государствами и в сфере науки, и в сфере технических навыков, и в сфере искусства не за счет повсеместного насаждения образовательных институтов, а за счет мягкости государственных предписаний, которые не ограничивают ее граждан, а, напротив, позволяют им развивать их природные таланты»³⁸.

Можно сказать, что Великобритании повезло. В лице Фукудзава, который на протяжении всей своей жизни продолжал заниматься просветительской публицистикой, она обрела своего союзника. «Страх перед неизвестным является характерной чертой японского мышления... человек, который выступает против развития отношений между Японией и другими странами, делает это только потому, что не понимает настоящей ценности этих отношений, и в своих действиях он ничем не отличается от человека, который боится темной комнаты из страха, что в ней может скрываться привидение. Распространяя знания о мире, я хочу пролить свет на эту тьму. И тогда люди поймут, что им нет нужды бояться иностранных “привидений”»³⁹. Эти слова, произнесенные Фу-

³⁶ The Autobiography of Fukuzawa Yukichi, p. 143–144.

³⁷ Fukuzawa Yukichi on Education. Selected Works. Tokyo, 1985, p. 3.

³⁸ Fukuzawa Yukichi on Education. Selected Works, p. 12.

³⁹ Fukuzawa Yukichi. Our Fear of Foreigners is Due to Ignorance. – The Speeches of Fukuzawa. A Translation and Critical Study. Tokyo, 1973, p. 245.

кудзава на общем собрании общества «Кодзюнсэ» 30 апреля 1893 г.⁴⁰, могут служить квинтэссенцией всей его просветительской деятельности. Хотя Фукудзава никогда не ставил себе целью популяризировать английскую политическую культуру или ее внешнеполитическую доктрину, его публикации и комментарии в отношении Великобритании помогли японцам осознать, что Соединенное королевство является сильным и прогрессивным государством, достойным стать примером для подражания.

Было бы неверно говорить о том, что за 40 дней пребывания в Англии члены миссии Такэноути сумели составить о ней объективное представление. Слишком мало времени они находились в стране, слишком много новой информации нужно было понять и усвоить за это время. Однако бесспорно, что визит 1862 г. внес немалую лепту в познание японцами одной из самых выдающихся европейских держав того времени.

К вопросу о прекращении официальных отношений Японии с танским Китаем в IX в.

В. А. Федянина

Отношения Японии с Китаем имеют давнюю историю. Китайский источник III в. «Вэй чжи» («Записи Вэй») упоминает о политических взаимоотношениях Японии с вэйским царством¹, одним из трех царств эпохи Троецарствия Китая, существовавшим в 220–266 гг. Провозглашение новой династии Суй (581–618 гг.) и объединение Северного и Южного Китая в конце VI в. восстановили мощь Китая как великой державы. Суйские правители развивали торговлю и культурный обмен с одним из ранних корейских государств Силла, японским государством Ямато, государственными образованиями на территории Индии и Ирана и т. д. В 600 г. японский двор отправил первую дипломатическую миссию к суйскому двору, и с того времени официальные посольства регулярно отправлялись более двух столетий подряд. В 600–614 гг., в правление императрицы Суйко, Ямато направило к суйскому двору четыре посольства. Эпоха династии Тан (618–907), сменившей Суй, традиционно считается периодом наивысшего могущества страны. За период с 630 по 894 гг. японский двор подготовил в танский Китай 19 дипломатических миссий, из которых было отправлено 11 полноформатных посольств².

Благодаря продолжительным контактам Японии с континентальной, прежде всего китайской, цивилизацией, страна активно воспринимала материковую цивилизацию. Она усваивала буддийскую философию, искусство и архитектуру, иероглифическую письменность, с которой пришли конфуцианская классика и поэзия. В VII в. китайская цивилизация в целом оказывала огромное влияние на развитие собственно японской культуры.

Знакомство Японии с китайской концепцией императорского правления и системой централизованного бюрократического управления привело к построению японского государства по китайскому образцу и созданию «рицурё» – централизованного государства, деятельность которого регулировалась гражданскими и уголовными законами «Тайхо Ёро рицурё». Посольства в Китай, направлявшиеся и до образования централизованного государства, теперь стали неотъемлемой частью

⁴⁰ 2 мая 1893 г. текст выступления был опубликован в передовице газеты «Дзидзи симпо» («Хроника текущих событий»), редактором и учредителем которой являлся Фукудзава Юкити.

¹ Конрад Н. И. Древняя история Японии. – Избранные труды. История. М., 1971, с. 36.

² Более подробно см.: Мецгеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. СПб, 2002, с. 368–369.

новой государственной системы. Направление дипломатических миссий в суйский и танский Китай объяснялось не только его восстановленной мощью, но и особенностями внутреннего развития Японии. Основная функция посольств в Китай заключалась в поддержании официальных отношений между государствами, хотя также были важны и обмен культурными ценностями, и знакомство Японии с многоликой культурой Китая. В некоторой степени посольства преследовали и торговые цели: обмен материальными ценностями. Однако этот обмен происходил в небольшом объеме и ограничивался только самыми ценными предметами. Японию более интересовали новые знания, идеи и духовные ценности, нежели новые товары.

В VIII в. для японского государства была характерна двойственная структура, сохранявшая баланс между управлением на основе традиционных методов и заимствованными из Китая институтами централизованного государства «рицурё». Во второй половине IX в. этот баланс был существенно нарушен: стала развиваться многополюсная структура, которая впоследствии характеризовалась усилением самостоятельности губернаторов в провинциях, заменой надельной системы землевладения арендной, нарастанием интровертности японской культуры. Большую роль в дестабилизации прежней государственной системы сыграли представители древнего рода Фудзивара. Они являли собой единственную силу, соперничавшую с императорским домом. Поставляя жен государям, Фудзивара фактически контролировали императорскую семью и угрожали положению императора как суверена.

В связи с начавшимися внутренними переменами на рубеже VIII–IX вв. в отношениях Японии с внешним миром тоже происходят значительные изменения. После признания Силла Китаем силлано-японские официальные отношения стали постепенно сходить на нет и после 779 г. фактически прекратились. Еще в годы эры Дзёган (859–877) к западным берегам Японии нередко стали приплывать пираты из Силла. В 893–894 гг. их посещения возобновились с новой силой. Не только Управление Западных земель (Дадзайфу) на острове Цукуси (современный Кюсю) укрепляло прибрежные районы для противодействия пиратам: аналогичные меры принимались и в округах Санъин-до, Санъё-до, Хокурику-до³.

Одновременно намечается прекращение официальных отношений с Китаем, которые играли большую роль в культурной жизни японского общества. Во второй половине IX в. эти отношения видоизменяются: наиболее распространенной формой дипломатических контактов и способом получения информации о Китае стал прием послов из Бохай – го-

сударственным образованием, включавшим значительные территории Маньчжурии, Приморья и Северной Кореи (698–926 гг.). Всего Бохай направил в Японию 33 посольства, 20 из них прибыли в период с 794 по 929 гг. Япония же за это время отправила только два посольства в Китай⁴.

Таким образом, хотя Япония и участвовала в дипломатических отношениях своего региона, она более не направляла регулярных посольств за границу. По мере упадка системы «рицурё» в Японии и распада государства Тан дипломатическая цель посольств утрачивала смысл. Более того, миссии из Бохай, направляемые в Японию, были еще одной причиной, по которой японцы не нуждались в отправке собственных посольств в соседние страны. Последнее посольство в Тан было направлено в 838 г.

Последнее посольство в Тан было направлено в 838 г. В 894 г., во время правления императора Уда, было назначено еще одно посольство в Тан, которое, однако, не состоялось.

Рассмотрим подробнее, как было принято решение об отмене посольств к танскому двору. Императорский дом в Японии предпринимал попытки сохранить старую государственную структуру, которая была основой его власти. Например, император Уда (887–897), мать которого была не из рода Фудзивара, стремился сохранить экономическую базу государства «рицурё» – принадлежность земли государству. В своей деятельности он опирался на придворного чиновника и ученого Сугавара Митидзанэ.

Митидзанэ родился в семье конфуцианских ученых Сугавара, имевшую долгую традицию (с VIII в.) наставничества при дворе. В 877 г. его назначили на две высшие должности, которые двор мог предложить ученому: помощником в Министерстве церемоний и советником по словесности. В 880 г. Митидзанэ возглавил родовую школу, созданную семьей Сугавара, тем самым еще более упрочив свои позиции в мире конфуцианской учености. С 891 г., после смерти влиятельного Фудзивара Мотоцунэ, начинается новый виток в карьере Митидзанэ. Своему стремительному возвышению он был обязан благоволению молодого императора Уда, который пытался править самостоятельно.

Назначение Митидзанэ в 8-ю луну 894 г. главой посольства в Китай не стало решающим этапом в его личной карьере, но оказалось важным моментом для истории страны. Митидзанэ подал прошение об отмене назначенного посольства, считая его нецелесообразным. Просьба была удовлетворена, и Япония на несколько веков отказалась от официальных контактов с Китаем. Этот вопрос – прекращение официальных отношений Японии с танским Китаем – до сих пор привлекает внимание многих историков, потому что с конца IX в. Япония фактически перешла к политике внешней изоляции.

⁴ Более подробно см.: Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии, с. 375–376.

³ Судзуки Ясутами. Сугавара Митидзанэ то кампё-но кэнтоси (Сугавара Митидзанэ и послы в Тан в годы Кампё). – Сугавара Митидзанэ то Дадзайфу Тэммангу (Сугавара Митидзанэ и Дадзайфу Тэммангу). Токио, 1975, т. 1, с. 39.

Сохранилось только два источника того времени, освещающих отмену посольств в Тан. Это – написанный по императорскому повелению официальный ответ японскому монаху Тюкан, находящемуся в Китае⁵, и предложение Митидзанэ рассмотреть целесообразность посольств в Тан⁶.

Названное выше письмо написано в 6-й год эры Кампё (894), 7-ю луну, 22-й день. Черновик письма подготовил Сугавара Митидзанэ. Оно является ответом на письмо ко двору от монаха Тюкан, датированного 3-ей лунной 5-го года Кампё (893 г.) и достигшего двора в 5-ю луну следующего года. В письме сообщается, что, несмотря на имеющиеся трудности, двор решил направить послов в Тан.

Второй документ – известное предложение Митидзанэ о нецелесообразности посольств в Тан, направленное членам Государственного Совета (Дадзёкан). Это прошение также составлено в 6-й год эры Кампё, но в 14-й день 9-й луны, т. е. двумя месяцами позднее, чем письмо монаху Тюкан. Документ подписан Митидзанэ с указанием его шести должностей на тот момент, но в самом тексте употребляется слово «мы». По-видимому, это говорит о том, что прошение написано от лица всех тех, кто был назначен ехать в Китай. Митидзанэ указывал на неспокойную обстановку в Тан, на трудности передвижения по морю и опасности со стороны пиратов, и предлагал членам Государственного Совета и ученым решить, стоит ли отправлять посольство.

Более поздние источники – «Жизнеописание божества Тэндзин из Китано» («Китано Тэндзин го-дэн», сер. IX в.), «Записи о жизни Сугавара Митидзанэ» («Канкэ го-дэн ки», 1106 г.), «Краткая хронология Японии» («Нихон киракю», составлена в конце XI в.) и «Краткая история Японии». («Фусо рякки», составлена в начале XII в.) – тоже упоминают об отмене посольства в Тан. Однако содержания этих сообщений расходятся.

Согласно «Нихон киракю» решение об отмене посольства было принято в 30-й день 9-й луны 6-го года⁷, т. е. в тот же месяц, когда было направлено прошение Митидзанэ. Об этом «Нихон киракю» кратко сообщает в записи за указанный день: «Остановлено посольство в Тан». «Канкэ го-дэн ки», более ранний источник, датирует это событие примерно годом позднее: «5-я луна, 14-й день 7-го года Кампё (985): указ об отмене посольств в Тан»⁸. Надо отметить, что версия «Нихон киракю» наиболее распространена среди японских историков. Американский

⁵ Канкэ бунсо, Канкэ косю (Литературные наброски Сугавара Митидзанэ. Последующие заметки Сугавара Митидзанэ). Под ред. Кавагути Хисао. – Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание классической литературы Японии), т. 72. Токио, 1966, с. 586.

⁶ Там же.

⁷ Нихон киракю (Краткая хронология Японии). Кокуси тайкэй (Собрание трудов по истории Японии). Токио, т. 10, 2007. – Кампё 6/9/30.

⁸ Канкэ го-дэн ки (Записи о жизни Сугавара Митидзанэ). Серия: Синто тайкэй (Собрание источников по синто). Токио, т. 11, 1978, с. 86.

ученый Роберт Борген допускает возможность согласования этих версий, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, на основании имеющихся источников, мы можем указать следующую последовательность событий.

В 7-ю луну 6-го года Кампё (984 г.) правительство намеревалось отправить посольство в Тан, а чем свидетельствует письмо монаху Тюкан.

В 8-ю луну того же года высочайшим указом было назначено посольство в Тан, а главой посольства – Сугавара Митидзанэ.

В 9-ю луну того же года Митидзанэ подает прошение о нецелесообразности таких посольств, мотивируя это неспокойной обстановкой в Тан и трудностями морского пути.

Не ранее, чем в 30-й день 9-й луны того же года принято решение об отмене посольства.

К сожалению, на основании имеющихся источников невозможно проследить какие-либо внутривосточные и внешнеполитические перемены за период с 7-й луны (назначено посольство) по 9-ю луну (отменено посольство или принято решение об его отмене) 984 г., которые бы объективно вызвали отмену посольства. Изменилось только восприятие двором внешней и внутренней ситуации. Кроме того, запись в «Нихон киракю» не дает ни единого намека на то, отменено ли данное посольство, или оно откладывается на неопределенное время, или же отменяются все посольства впредь. Митидзанэ продолжал сохранять свою должность «главы посольства» так же, как и другие назначенные чиновники. Это позволяет предположить, что посольство просто отложили на неопределенное время. «В пользу гипотезы о том, что было отменено только данное посольство, а не посольства вообще, что предполагалось возобновить их, говорит также запись в «Энгисики» («Уложения годов Энги»), где дано детальное описание провизии для отправки посольства в Китай, подробное описание состава посольства. «Энгисики» составлены в 927 г., когда ни одно посольство не отправлялось уже более 90 лет, а прошение Митидзанэ об отмене посольства было удовлетворено более 30 лет назад⁹. Вероятно, японцы продолжали рассматривать возможность отправки посольств в Китай. Однако они так и не состоялись.

Японские ученые, а в последнее время и европейские, предлагают множество интерпретаций скудным сведениям об отмене последнего посольства в Тан. Основные гипотезы следующие.

Японский двор изначально не намеревался отправлять посольство. Это был просто «жест»: правящий император Уда пытался поднять престиж своего протеза, назначив его на должность «главы посольства в Тан».

Экономические трудности не позволили отправить посольство в Тан. Такие посольства были очень дорогостоящими мероприятиями, а казна к тому времени значительно оскудела.

⁹ Borgen Robert. Sugawara no Michizane and the Early Heian Court. Cambridge, MA, 1986, p. 248.

Трудности морского пути, угроза нападения пиратов из Силла представляли опасность для этих посольств. Сложности могли возникнуть и при передвижении по материке из-за смут в Тан. Также пугала возможность попасть в Китай и вернуться обратно на кораблях танских торговцев.

Отправка посольства в Тан во главе с Митидзанэ было попыткой представителей рода Фудзивара избавиться от соперника, каким им представлялся Сугавара Митидзанэ.

Японии больше нечему было учиться у Китая. Она уже дошла до того уровня развития, что больше не нуждалась в китайских знаниях, и Митидзанэ первым осознал это.

Кроме того, ученые, выдвигающие какую-либо из указанных гипотез, зачастую приводят другие гипотезы как вспомогательные. Однако каждая из них легко уязвима и, если и отвечает на какой-либо вопрос, то тут же порождает другие. Например, теория «жеста» вряд ли оправдана в свете того, что, скорее всего, посольства не собирались отменить вообще. Просто отправлять посольства действительно было опасно или не хватало средств у казны. Но в таком случае, почему идея отправки посольства не была отклонена с самого начала, и оно все-таки было назначено? Для того чтобы, Фудзивара могли избавиться от соперника? Но источники свидетельствуют о хороших отношениях Фудзивара и Митидзанэ на тот момент. Посчитали, что Японии больше нечему было учиться у Китая? Спорно, так как отношения с Китаем продолжались на частном уровне.

Наиболее убедительным нам представляется толкование событий японских историков Масумура Хироси и Ямаю Юкихиса, которые более строго придерживаются имеющихся источников¹⁰. Согласно этим авторам, двор собирался отправить посольство в Китай. Митидзанэ Сугавара был назначен на должность главы посольства. Однако он начал сомневаться в целесообразности морского путешествия. И когда Митидзанэ предложил отказаться от посольства, возражений почти не было: его доводы основывались на фактах. При этом изначально идея отправки посольства в Китай принадлежала, скорее всего, императору Уда. Поскольку посольства в Тан на тот момент не отправлялись с 838 г., т. е. фактически были приостановлены, более интересным становится вопрос, почему оно вообще было назначено. Уда вззошел на трон в 887 г. в возрасте 22 лет, преисполненный планов править самостоятельно и независимо. Он пытался вернуться к старым традициям государства «рицурё» путем проведения реформ внутри страны¹¹. Возможно, Уда также стремился

¹⁰ Хироси Масумура. Кэнтоси-но кэнкю. (Изучение посольств в Тан). Токио, 1988.

Юкихиса Ямаю. Кэнтоси (Посольства в Тан). Хигаси Адзидэ ни окэру Нихон кодайси кодза. (Восточная Азия: курс истории древней Японии. Государство «рицурё» в Японии и Восточная Азия). Вып. 6, Токио, 1982, с. 202–253.

¹¹ Более подробно см.: Хотатэ Митихиса. Хэйан дзидай. (Эпоха Хэйан), Токио, 2003, с. 12, 56, 59.

поднять престиж Японии за ее пределами и стал планировать посольство к танскому двору как неотъемлемую часть государства «рицурё». Оба посольства в Тан в течение IX в. (804 и 838 гг.), в годы Энряку и Дзёва, отправлялись в связи с восхождением на трон императоров Хэйдзэй и Ниммё. Возможно, что молодой и энергичный Уда, руководствуясь этими примерами, в скором времени после интронизации замыслил направить дипломатическую миссию в Китай. В упомянутых двух посольствах IX в. также участвовали представители рода Сугавара. В составе посольства 804 г. в Китай отправился Сугавара Киётомо, а в 838 г. – Сугавара Ёсинуси (Киёнуси). Назначение же главой посольства 894 г. именно Митидзанэ можно объяснить тем, что он был одним из лучших знатоков китайской учености (если не лучшим) и имел дипломатический опыт, дважды участвуя к тому времени в приемах послов из Бохай.

К сожалению, существующих источников не достаточно, чтобы уверенно сказать, почему же посольство было отменено. Определенно можно сказать только одно: прошение Митидзанэ Сугавара, назначенного на должность главы посольства, было удовлетворено. Причины подачи этого прошения также не известны. Возможно, их было несколько. Не исключено, что личные причины, соображения собственной безопасности и карьеры – боязнь отдалиться от двора, уйти с политической сцены – увязывались с подлинной заботой о государственных интересах.

Просьба Митидзанэ Сугавара была удовлетворена, и Япония надолго отказалась от официальных контактов с Китаем. К концу IX в. в связи с распадом государства «рицурё», как уже упоминалось, дипломатическая функция почти сошла на нет. Если ранее японская знать была заинтересована в том, чтобы продемонстрировать перед другими государствами статус своей страны – члена восточно-азиатского сообщества, то теперь поддержание подобного статуса страны переставало быть делом государственной важности. Не следует сбрасывать со счетов и экономический аспект – большие затраты на посольства становились непосильными для центрального аппарата. И даже если это не являлось причиной, то рассмотрение прошения Митидзанэ склоняло власти в пользу отмены посольства.

Безусловно, шаг такой важности не мог быть совершен усилиями одного лица. Однако именно Митидзанэ оказался тем человеком, который заявил о том, что Япония больше не нуждается в посольствах в Тан, «игравших такую большую роль в повышении образовательного и культурного уровня хэйанского общества... сношения с Китаем не прекратились полностью, но они уже затрагивали другие слои населения японских островов, да еще в какой-то мере и буддийских монахов»¹².

¹² Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М., 1974, с. 102.

Возможно, при этом двор не менял своего решения столь внезапно, что вызывает недоумение современных исследователей. Уже отмечалось, что «Нихон киракю» и биография Сугавара Митидзанэ датируют отмену посольства по-разному. Вероятно, окончательное решение не было таким поспешным, как это кажется. По мнению Роберта Боргена, источники просто фиксируют разные вехи решения вопроса о посольстве: в 30-й день 9-й луны 894 г. стали рассматривать письмо с предложением отменить посольства, а почти через год было принято окончательное решение¹³. Поэтому едва ли можно датировать отмену посольства одним днем. Более правильно обозначить ее всем периодом принятия решения. К сожалению, мнение Р. Боргена имеет очень мало подтверждений. И это остается всего лишь предположением.

После отмены посольства в Тан связи между государствами стали осуществляться на уровне различных слоев общества, а не на уровне уполномоченных на это государством чиновников. На этом этапе официальные отношения с Китаем прекратились. Однако это не означало, что они прервались полностью.

В 907 г. государство Тан прекратило свое существование, и стиль межгосударственных отношений, заключавшийся в официальном обмене посольствами между различными государствами в Восточной Азии, изменился. Культурные и политические функции посольств еще некоторое время продолжали осуществляться через бохайские посольства до прекращения существования этого государства в 926 г. Затем культурная функция и функция обмена товарами перешли к частным китайским торговцам, которые появились около японских берегов уже в IX в. Они привозили с собой предметы роскоши, восхищавшие японскую знать и удовлетворявшие нужды двора. Также торговцы отвозили ревностных буддийских монахов в Китай. Обе эти функции, ранее выполнявшиеся дипломатическими посольствами, теперь стали осуществляться более дешевым и безопасным способом. Удовлетворение этих потребностей за счет частной торговли, возможно, является одним из ключевых моментов в том, что официальные посольства так и не были возобновлены.

Красноречивым свидетельством тому, что с отменой официальных дипломатических миссий связь с Китаем не прервалась, является легенда о том, как Митидзанэ Сугавара учился у дзэнского монаха. Легенда гласит, что Митидзанэ, умерший в 903 г., стал божеством Тэндзин, и примерно через 300 лет, в 1241 г. отправился к китайскому наставнику для овладения дзэнским учением. Эта легенда впервые встречается в письменных источниках рубежа XIV и XV веков, а сложилась она, вероятно, в XIII в., когда Китай продолжал оставаться образцом в культурном отношении.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что официальные посольства к танскому двору являлись неотъемлемой частью системы государства «рицурё» и были призваны повысить престиж страны в глазах соседей. С распадом государства «рицурё» такого рода отношения с соседними государствами прекратились. В связи с этим, нам думается, не правомерно считать, что отмена посольств в танский Китай в 894 г. стала решающим событием во внешней политике Японии и имела значительные исторические последствия. Прекращение посольств в Тан является, скорее, не причиной последующих изменений в культурной жизни Японии, а следствием предшествующих изменений. Отмена официальных связей с Китаем была одной из многих ступенек в общей смене культурно-политических ориентиров страны, свидетельством того, что японская родоплеменная аристократия во главе с Фудзивара проявила явное стремление к самогерметизации, к стремлению не допустить посторонние элементы в традиционную структуру общества.

¹³ *Borgen Robert. Sugawara no Michizane and the Early Heian Court*, p. 240, 245.

- Барышев Эдуард Анатольевич**, доктор философии, Университет Кюсю (Япония)
- Бордюгов Геннадий Аркадьевич**, кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М. И. Ломоносова, руководитель Международного Совета Ассоциации исследователей российского общества «АИРО-XXI».
- Георгиев Юрий Владимирович**, кандидат исторических наук, обозреватель журнала «Япония сегодня».
- Герасимова Майя Петровна**, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН
- Гонялин С. И.** кандидат экономических наук, экономист-международник.
- Добринская Ольга Алексеевна**, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН
- Катасонова Елена Леонидовна**, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
- Ковальчук Марина Константиновна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры страноведения Восточного института ДВГУ.
- Куланов Александр Евгеньевич**, сотрудник Московского представительства газеты «Иомиури».
- Лебедева Ирина Павловна**, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
- Малинина Елизавета Евгеньевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения Новосибирского университета.
- Маркарьян Седя Багдасаровна**, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН
- Мин Гён Хён**, доктор философии, профессор, директор Института Современной истории Корё (Сеул, Республика Корея).
- Молодяков Василий Элинархович**, доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)
- Молодякова Эльгена Васильевна**, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН
- Ноздрев Станислав Борисович**, старший научный сотрудник, кандидат экономических наук, ИМЭМО РАН
- Павлов Дмитрий Борисович**, доктор исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва.
- Росов Владимир Андреевич**, доктор исторических наук, заведующий отделом «Наследие Рерихов», Государственный музей Востока, Москва.
- Спиридонов Борис Григорьевич**, кандидат искусствоведческих наук, преподаватель японского языка Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина
- Стапран Наталья Васильевна**, кандидат экономических наук, МГИМО (У) МИД РФ.
- Федянина Владлена Анатольевна**, кандидат исторических наук, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- Молодякова Э. В.** Приход демократов во власть: политическое землетрясение **5**
- Добринская О. Ф.** Внешняя политика Б. Обамы: новая страница японо-американских отношений **21**
- Стапран Н. В.** Япония и Австралия – два полюса единого азиатского пространства **37**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Лебедева И. П.** *Монодзукури* в условиях глобализации **50**
- Ноздрев С. В.** Токийский финансовый центр в условиях обострения конкуренции на международных рынках капитала **69**
- Маркарьян С. Б.** Создание единого географического пространства в Японии: дороги, мосты, тоннели **87**
- Гонялин С. И.** Непростые времена для станкостроения Японии **103**

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

- Бордюгов Г. А., Мин Гён Хён** Япония в зеркале российских школьных учебников по истории **117**
- Молодяков В. Э., Росов В. А.** Николай Рерих и Япония: неизвестные страницы **130**
- Куланов А. Е.** «Третья сила» в формировании имиджа Японии в начале постсоветской эпохи – потребительский аспект **144**
- Молодякова Э. В.** Школьное образование в Японии **155**
- Спиридонов Б. Г.** Эволюция скульптурных форм в первой половине XVII в. и место никковской скульптуры в истории синтоистской деревянной пластики Японии **172**
- Малинина Е. Е.** Духовно-эстетический феномен «сухого» каменного сада в пространстве буддийского храма **178**
- Герасимова М. П.** Механизм заимствований в японской культуре **192**
- Катасонова Е. Л.** Мир популярной японской музыки **209**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Георгиев Ю. В. В. И.** Ленин и довоенный японский империализм **233**
- Павлов Д. Б.** Русский военно-морской лазарет в Нагасаки, 1858–1906 гг. (исторический очерк по российским источникам) **252**
- Барышев Э. А.** За кулисами русско-японских переговоров 1906–1907 гг.: дипломатия Мотоно Итиро **274**
- Ковальчук М. К.** Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании **293**
- Федянина В. А.** К вопросу о прекращении официальных отношений Японии с танским Китаем в IX в. **309**

Наши авторы

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЕЖЕГОДНИКА

Научное издание

Япония 2010

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО-XXI»
e-mail: andmak@ www.airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать 19.11.2010 г. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 20
Тираж 400 экз.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом от одного до двух авторских листов (от 40 тыс. до 80 тыс. знаков, включая примечания); научные сообщения, рецензии и обзоры – до одного авторского листа (40 тыс. знаков). При оформлении текстов убедительно просим соблюдать следующие правила.

- В ежегоднике принята так называемая «поливановская» транскрипция, за исключением общепринятых названий: **Токио, Иокогама.**

- В отношении японских имен собственных принят существующий в Японии порядок написания: сначала фамилия, потом имя. При первом упоминании просим указывать фамилию и имя, далее – инициал и фамилию: **Обути Кэйдзо** и **К. Обути.**

- Японские имена собственные и географические названия не склоняются.

- Сноски имеют общую нумерацию в пределах статьи и помещаются внизу страницы.

- Просим представлять распечатку статьи в одном экземпляре и качественную дискету с аналогичным текстом в системе Windows/Word.

- Просим обратить внимание на предохранение представляемых дискет от вируса.

- Сроки представления статей в редакцию – до конца октября текущего года.

Рукописи, представленные с нарушением перечисленных правил, рассматриваться редакцией не будут.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!